

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
РЕЛИГИОЗНОГО ПРОСТРАНСТВА /
POLITICAL AND JURIDICAL CHARACTERISTICS
OF RELIGIOUS FIELD

Серия «Политология. Религиоведение»
2010. № 2 (5). С. 113–122
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

УДК 322

**Вероисповедная политика и «гражданский гуманизм»
(к вопросу о реализации положений ст. 13
Конституции РФ)**

И. А. Арзуманов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

В статье с философско-политических позиций произведен анализ понятия гражданского гуманизма. Основы конституционного строя рассматриваются в контексте дезинтеграционных процессов, продуцирующих конфессионально-мировоззренческую разноректорность пространства религиозной культуры. Делается вывод об апории историко-культурного дискурса российского идеологического пространства и положений 13-й ст. Конституции РФ.

Ключевые слова: гражданский гуманизм, религиозная культура, интеграция, дезинтеграция.

Поскольку стабильность общества является социокультурной ценностью и категориальным императивом государственного организма, то политика государства в сфере культуры и религии как цивилизационно-интенциальных субстратов социума относится к формам и методам осуществления государством интегративной функции. Авторским коллективом кафедры религиоведения РАГС предложено следующее понимание вероисповедной политики: «Вероисповедная политика... – система действий государства, включающая целеполагание, правовое обоснование, комплекс организационно-практических мер по обеспечению свободы совести и вероисповедания человека и гражданина (каждого), по созданию необходимых условий для удовлетворения религиозных потребностей, по регулированию деятельности религиозных объединений в качестве субъектов публичного права в той части, которая выходит за рамки канонического устройства и культовой практики и в силу этого становится общественной деятельностью; по осуществлению сотрудничества с ними в решении социально и государственно важных проблем; по достижению межрелигиозного и межконфессионального мира» [4, с. 9].

В данном определении подчеркнуты социальные концепты вероисповедной политики, объектом которой является не весь религиозный социокультурный комплекс, а лишь его аспекты, связанные с какой-либо стороной политики самого государства [4]. Исходя из предлагаемого тезиса: «определяющей целью вероисповедной политики является создание условий, сочетающих обеспечение возможности наиболее полной реализации прав и свобод человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания с обеспечением консолидации и стабильности общества» [4, с. 12], мы приходим к тому, что по своему содержанию право в религиозной сфере не только представляет собой социально-культурный комплекс норм, идей и отношений, определяющий характер и направления человеческой деятельности, формирующий определенные поведенческие стереотипы [5, с. 64], но и наполняется конкретным идеологическим содержанием.

Если применить эти характеристики политики к сфере религиозного пространства с учетом его субъектно-институциональных составляющих – традиционных конфессиональных институтов мировых религий, мифо-религиозных систем автохтонных верований, религиозных инноваций, то вероисповедная политика будет определяться в качестве функционально-идеологической доминанты интегративных процессов в социуме.

Мы должны констатировать, что от основных конституционных характеристик политической системы, от того, как устроена власть, зависит то, какими методами она действует, какую политику проводит, какие люди ее представляют, а значит, и то, насколько ценности гражданского общества защищены от произвола, коррупционных издержек социально-экономической жизни и процессов дезинтеграции экономического и духовно-культурного пространств. Взаимосвязь роста национального самосознания и конфессиональной самоидентификации граждан в политических процессах дезинтеграции общества, разжигания межконфессиональных и межнациональных конфликтов является предметом особого внимания исследователей рубежа XX–XXI вв. В первую очередь в силу того, что реальное положение религиозных институтов в ряде случаев определяется не столько конституционными положениями, сколько политикой правительства по отношению к религии и ее институтам (базовые положения о конституционно-правовых основах государственно-конфессиональных отношений весьма подробно рассматриваются в изданиях кафедры религиоведения РАГС, в работе региональных, российских и международных конференций и семинаров. Одним из региональных примеров может служить проведение в ноябре 2009 г. «круглого стола» по проблемам правового регулирования взаимодействия религиозных организаций и государства на базе ЮИ ИГУ. В качестве предметного ряда для обсуждения он включал в себя проблемы реализации положений статей 13 и 14 Конституции РФ, наличие возможностей и необходимости реформирования законодательства о религиозных организациях, а также анализ правового аспекта религиозного воспитания в общеобразовательных школах. Анализ имеющихся подходов к решению вскрываемой проблематики должен проходить с учетом общемирового «демократического транзита». Данный

аспект связан с «общечеловеческими» и демократическими ценностями, транслируемыми, в том числе, посредством утверждения безусловного приоритета международного права перед национальным, что само по себе имеет ярко выраженный геополитический окрас. Например, Г. И. Тункин в этой связи отмечает общую тенденцию: «Сторонники примата международного права чаще всего представляли интересы сильных держав, которые в течение длительного периода оказывали значительное влияние на развитие международного права и в силу этого в определенном смысле являлись международными законодателями. Таковыми выступали в первую очередь юристы США и в значительной мере Великобритании и Франции» [9, с. 128–129].

Как следствие, вплоть до недавнего времени, проблематика реалий вероисповедной политики рассматривалась с позиций существующих базовых конституционных принципов, ставящих гуманизм в качестве высшей социокультурной ценности и предмета особой заботы гражданского общества. С этих же позиций Конституция как юридический документ определяет основные характеристики российского государства, экономические и политические основы конституционного строя, основы организации государственной власти. В положениях первой главы Конституции РФ либерально-демократический принцип конституционности определен в качестве элемента философско-политического дискурса, основанного как на интенциях ограничения властно-контрольных функций и полномочий государства как политического института в области прав и свобод человека, так и опасений праворадикальных издержек национализма.

Статья 13 Конституции РФ гласит: 1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 3. В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность. 4. Общественные объединения равны перед законом. 5. Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни [8]. Неслучайно положения 13-й и 14-й статей логически увязываются в рамках первой, базовой конституционной главы. В ней фактически обосновывается идеологизация либерально-демократического подхода к основным характеристикам российского государства, экономическим и политическим основам конституционного строя, основам организации государственной власти. Уже по самому факту фиксированные в конституционном тексте как юридическом документе, нравственные категории приобретают качественно новый социополитический статус категорий юридических. Более того, как отмечает М. В. Баглай, Конституция РФ не только объявляет положения гл. 1 основами конституционного строя, но и закрепляет невозможность их изменения иначе, как в усложненном порядке, установленном настоящей Конституцией. Например, согласно ст. 135, основы конституционного строя не могут быть пересмотрены Федеральным

Собранием. Это может сделать только Конституционное Собрание, созываемое на основе федерального конституционного закона, и только в случае, если предложение о пересмотре будет поддержано 3/5 голосов от общего числа членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы. Такое намеренное усложнение порядка пересмотра гл. 1 служит одной цели: сделать основы конституционного строя как можно более стабильными [3, с. 103–105].

Однако либерально-демократический подход к сущности государства, его политической системе, как это ни парадоксально, противоречит одной из основных задач Конституции РФ – препятствовать сепаратистским тенденциям и территориальному распаду государства. Данный тезис обосновывается автором на базе методологической дифференциации понятий «идеология» и «идеологизация» как функциональной производной категории «идеология» (в контексте родового и видового соотношений). В социополитической проекции это, в первую очередь, касается положений, связанных с культур-религиозным и культур-философским факторами процессов этнополитизации. Вскрываемая проблематика не может быть разрешена в отрыве как от специфики культур-религиозных субъектов права (отличающей их от иных участников правоотношений), так и от философско-правового дискурса в его объективной идеологической спецификации.

С макрометодологических позиций это касается аксиологических детерминант культур-цивилизационного подхода к «идеологической» проблематике, выводящей на первый план причинно-следственных связей не видовые, а родовые истоки социокультурного единства, его антропофилософского и антропологического обоснования. Данный подход интердисциплинарен по характеру и находится на стыке философии политики, философско-правовой, религиоведческой и философско-культурологической науки. Аксиологическая детерминанта методологии анализа выводит понимание политики за пределы конъюнктурного целеполагания в сферу нравственной ответственности, ценностного измерения и духовно-нравственных идеалов (анализ положений конституционного строя необходимо должен начинаться с определения принципов организации государства в его соотношении с личностью и гражданским обществом в их антропоцелевой установке [10, с. 14]. В этой связи вопрос о гуманистических истоках современного конституционного строя и его проекций в политической системе России не так однозначно однополярен и имеет различные модусы. Прежде всего в силу того, что реалии складывающихся общественных отношений в области культур-религиозной политики государства выявляют неснимаемую апорию конституционно-гуманистического дискурса с историко- и цивилизационно-культурным обоснованием обеспечения социокультурного и социополитического единства российского общества.

Рассмотрим данные положения с точки зрения анализа коррелятивно-понятийных соотношений понятий «гуманизм», «идеология», «идеологизация» с понятием «социокультурное единство».

Под гуманистическими основами конституционного строя понимаются такие его основополагающие принципы, которые закрепляют ведущую роль

граждан в государственном строительстве. Антропологические основы гуманистического базиса конституционного строя поднимают вопросы о существенных характеристиках категорий «человек», «гражданин», «народ», «свободный человек», «свобода», «справедливость», «равенство». Данный спектр, безусловно, лежащий в области антропологии и аксиологии права, на современном этапе методологически должен рассматриваться не только с позиций гуманистического атеизма, но и с позиций мировоззренческих императивов сотериологии религиозной культуры. Светский секулярный гуманизм (*secular humanism*), по определению С. В. Перевезенцева, – одно из направлений «религиозно-философского учения человекобожия, ставшее общефилософским и методологическим принципом бытия современной индустриально-технологической цивилизации, образно называемой “Западом”» [15]. В рамках конституционных положений речь идет о разновидности светского гуманизма – «гражданском гуманизме» как мировоззрении, отстаивающем ценности прав человека, общедемократические и экологические ценности (в исследовании Ю. Черного дана следующая периодизация развития современного гуманистического движения: возникновение (середина XIX в. – начало 1930-х гг.); становление и развитие организованного гуманистического движения (начало 1930-х гг. – начало 1980-х гг.); выделение светского (секулярного) гуманизма в качестве самостоятельного идейного движения, его окончательное размежевание с религиозным гуманизмом – начало 1980-х гг. – настоящее время) [12]. Данные положения, взятые в контексте видовой стратификации понятия «гуманизм» как формы мировоззрения, утверждающей способность и обязанность вести этический образ жизни без привлечения гипотезы о существовании Бога, определяют позиции 13-й ст. Конституции в качестве доминант светского гуманизма в политической системе федерализма. Отметим – системы, возникшей в политической истории России одновременно с атеизацией идеологического блока – с начала XX в. (Согласно «Декларации светского гуманизма», к основным базовым принципам гуманистического мировоззрения наряду с прочим относятся: отделение церкви от государства; независимость этики от религии; возможность и необходимость вывода моральных норм без религиозного откровения; недопустимость навязывания религии молодым людям, прежде чем они будут способны дать на это добровольное и осмысленное согласие; религиозный скептицизм – скептическое отношение к претензиям сверхъестественного на реальность) [16].

Мировоззренческая спецификация «гражданского гуманизма» в ее нормативно-правовой фиксации Конституции РФ коррелирует с пониманием идеологии как системы знаний и представлений о политике и праве и о тех образцах политического и правомерного поведения, которым надлежит следовать, если разделять систему определенных общественных ценностей [7, с. 276]. В целом мы можем стратифицировать два модуса понятия идеологии: 1 – идеологии как *системы ментальных ценностей*, присущих любому человеческому обществу, и 2 – как «политического видения общества со стороны социальных групп и организаций, причастных к политике, воплощающегося в политических учениях, доктринах, установках, призванных влиять на обще-

ственные процессы» [9, с. 481]. Как отмечает С. В. Черниченко, столкновение идеологий, явное или скрытое, – постоянный фактор. Какая-либо идеология доминирует, поскольку поддерживается доминирующей социальной группой и получает одобрение значительной части населения. Ей могут противостоять иные идеологии, поддерживаемые другими, не доминирующими социальными группами и организациями (в результате такого противостояния четкая доминирующая идеология может отсутствовать как, например, в России в постсоветский период) [11, с. 481]. Положение о полевой природе идеологических отношений необходимо рассматривать как в макрогеополитической проекции «Запад – Восток», так и в проекции субъектов внутривнутриполитических отношений (выстраиваемых в связи с общей мировоззренческой системой эпохи, программными установками, сформулированными на основе тех или иных положений этой системы, стратегией реализации программных установок, пропагандой и конкретными шагами по реализации программ) [9, с. 400]. Таким образом, констатируется функционально-смысловое соотношение понятий «идеология» и «политика» в рамках государственно-властных интенций последней. Мы отмечаем также ставшее уже классическим понимание политики как основного направления деятельности социальных групп и организаций, имеющих отношение к осуществлению государственной власти, поскольку именно в этом ключе государственная политика понимается в качестве основного направления властвования государства в сфере идеологического пространства в его культур-территориальной спецификации. В этой связи встает вопрос об аксиологической стратификации пространства религиозной культуры, имеющей свои социополитические характеристики [1, с. 21–26] и детерминирующей конечную понятийно-смысловую проекцию «идеологии» как доминирующей ценностно-мировоззренческой подсистемы культуры. И если мы говорим о регулятивной составляющей нормативно-правовой фиксации той или иной системы ценностных векторов, имеющих влияние на политическую жизнь общества, то предполагается, что ее юридическая характеристика – это результат снятия специфического противоречия в сложившихся общественных отношениях, имеющих на данный период суммарное статистическое или культур-трансляционное доминирование.

Если рассматривать данный нормативно-правовой феномен в контексте политической онтологии – культур-цивилизационного детерминизма политического пространства и политического времени как основных факторов социального бытия, то необходимо констатировать, с одной стороны, экспансию однополярных гражданско-гуманистических рецепций в конституционно-правовое пространство России (с учетом факта их нормативно-правовой фиксации Конституцией РФ), а, с другой, – их фрустрацию в российском социокультурном пространстве, сохраняющем свое цивилизационное отличие в контексте межцивилизационного дуализма (отмечаемый дуализм рассматривается автором в контексте двух векторов: «Запад» (католическо-протестантский) – «Восток» (православный) и «Восток» (православный) – «Восток» (индо-конфуцианско-буддийский) [2]. Однако объективные противоречия между ментально-ценностной системой культур-цивилизационных детерми-

нант политической истории России и юридическим императивом гуманистической идеологии ставят вопрос о факторе «идеологизации» – видовой, функционально-трансляционной производной понятия «идеология». Как следствие, мы приходим к констатации того, что идеологический плюрализм (в контексте социофункциональной динамики модулирующий в религиозно-духовный индифферентизм), заложенный в основу 13-й ст. Конституции РФ, – фактор *идеологизации* [9, с. 400]. Под идеологизацией понимается фактическое государственное внедрение в общественное сознание социокультурных параметров гражданского (секулярного) гуманизма, находящихся в апории культур-цивилизационному контексту политической истории России последнего тысячелетия.

В частности, об этом свидетельствуют законодательные акты в макропроекции – на уровне РФ и на регионально-национальном уровне – акты субъектов РФ о религии и свободе совести, фиксирующие общий фон нередуцируемой этноконфессиональной специфики. На современном этапе данная специфика рассматривается в качестве основной идеологической детерминанты процессов этнополитизации, в свою очередь, определяющих культур-цивилизационный ракурс общественных отношений, пульс общероссийской и региональной динамики вероисповедной политики.

В федеральной составляющей проблематика светскости и равноправия религиозных организаций возникает, как правило, в связи с фактическим положением и предпочтениями Православной церкви, а в региональной – в связи с иными традиционными конфессиональными институтами, играющими, как уже отмечалось, роль историко-культурного катализатора в процессах явной и латентной этнополитизации. Примером могут послужить ситуации, связанные с процессами политической реструктуризации – укрупнения восточно-сибирских субъектов РФ – Иркутской области и Забайкальского края за счет включения в их состав бурятских национальных округов – Усть-Ордынского и Агинского соответственно. И в этой региональной проекции во всей полноте встают вопросы о неравнозначности религиозных объединений, являющихся (вкуче с национально-лингвистическими признаками), базовой детерминантой нормативно-правовой фиксации «особого» статуса бывших субъектов РФ в границах укрупненных регионов. Как отмечает Б. Д. Дамдинов, «относительная самостоятельность этих территориальных образований выражается в том, что решения органов власти или населения образований, принятые в пределах автономных прав, не могут быть отменены органами государства или органами власти более крупного образования, в которое входит автономное территориальное образование. Исходя из указанного, предлагается наделить Администрацию Агинского бурятского округа, помимо имеющихся функций, дополнительными функциями и полномочиями по функциональному и отраслевому управлению в отдельных сферах деятельности с учетом отраслевой структуры экономики, социальной сферы и национально-культурной специфики АБО с соответствующим ресурсным обеспечением» [6, с. 40].

В части вопросов, касающихся социально-экономического и национально-культурного развития округа, практически все положения Концепции получили закрепление в Уставе края. Данный факт обуславливает обязанность органов государственной власти Забайкальского края обеспечивать условия для сохранения и развития всех элементов этнической идентичности бурятского населения АБО. В этих целях Администрация АБО должна быть наделена полномочиями по участию в разработке и реализации соответствующих краевых целевых программ, участию в создании краевых образовательных учреждений и учреждений культуры, обеспечивающих этническую идентичность бурятского населения АБО [6, с. 40].

Таким образом, мы должны констатировать, что, в отличие от общероссийского, федерального уровня, региональная проекция идеологического фактора приоритетов этнорелигиозных составляющих уже набирает силу, имеет свои прецеденты положительного решения и входит в противоречие с гражданско-гуманистическими положениями Конституции РФ. Данное обстоятельство отражает общемировые тенденции. Роль религиозных институтов в качестве детерминант идеологии на международном уровне (наиболее яркий пример – культур-религиозные детерминанты политической системы США, опосредованной, как отмечает Гаджиев, постпротестантскими истоками гражданского гуманизма), в макрометодологической проекции определяют реалии международной практики в контексте двух тенденций – традиционно-охранительного – девестернизации (или глобализации «наоборот») и международно-глобализационной экспансии либерально-демократической идеологии (в этом свете национально-религиозные системы стран исламского мира выступают как факторы идеологических детерминант внутренней и внешней политики). Что касается механизмов регуляции общественных отношений в России, то, на первых порах, их выработка, как видится, будет связана с юридической фиксацией де-факто превалирующей роли традиционных конфессиональных институтов, посредством тотального пересмотра положений 1-й главы Конституции РФ касательно положений ст. 13 об идеологическом плюрализме, с последующим выведением смысловой составляющей преамбулы федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» (в которой «...христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии» маркируются в качестве неотъемлемой части исторического наследия народов России) [13] на конституционный уровень.

1. Арзуманов И. А. «Религиозное пространство» и «пространство религиозной культуры» – опыт культур-методологической стратификации // *Вопр. культурологии*. – 2009. – № 5. – С. 21–26.

2. Арзуманов И. А. Трансформация пространства религиозной культуры Байкальского региона в трансазиатском контексте (XX–XXI вв.) : монография /

1. Arzumanov I. A. “A Religious Field” and “a Field of Religious Culture” – an Experience of Cultural and Methodological Stratification // *Voprosy Culturologii*. – 2009. – № 5.

2. Arzumanov I. A. The Transformation of the Field of Religious Culture of the Baikal Region in the Trans-Asian Context (XX–XXI century) : monograph / I. A. Ar-

- И. А. Арзуманов. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008.
3. *Баглай М. В.* Конституционное право Российской Федерации / М. В. Баглай. – М. : Норма, 2006. – С. 103–105.
 4. Вероисповедная политика Российского государства : учеб. пособие / отв. ред. М. О. Шахов. – М. : Изд-во РАГС, 2003.
 5. *Гриценко Г. Д.* Правопонимание в современной российской юриспруденции // Вестн. Ставроп. гос. ун-та. – 2002. – № 29.
 6. *Дамдинов Б. Д.* Особый статус Агинского Бурятского округа в составе Забайкальского края: от концепции к уставу // Сиб. юрид. вестн. – 2009. – № 2 (45).
 7. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть : учебник для вузов / рук. авт. кол. и отв. ред. Б. А. Страшун. – 4-е изд., обновл. и дораб. – М. : Норма, 2005.
 8. Конституция Российской Федерации от 25 декабря 1993 года, с изм. от 30 дек. 2008 г. // Рос. газ. – 2009. – 21 янв.
 9. Международное право / отв. ред. Г. И. Тункин. – М., 1994.
 10. *Полибий.* Всеобщая история : в 3 т., 40 кн., О государстве I, 41. V, 47, 7–8. VI, 56, 6–15. – СПб. : Наука ; Ювента, 1994.
 11. *Черниченко С. В.* Очерки по философии и международному праву / С. В. Черниченко. – М. : Науч. книга, 2009.
 12. *Черный Ю. Ю.* Современный гуманизм // Философия в XX в. : сб. обзоров : в 2 ч. Ч. 2. – М. : ИНИОН РАН, 2003.
 13. О свободе совести и о религиозных объединениях : федер. закон от 19 сент. 1997 г. // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
 14. *Цицерон.* Диалоги. О государстве. I, 2–3 / Цицерон. – М., 1994.
 15. <http://azbuka.ru/religii>
 16. <http://hum.offlink.ru/docs-main/docs5>
- zumanov. – Irkutsk : State university of Irkutsk, 2008.
3. *Baglay M. V.* Constitutional Law of the Russian Federation / M. V. Baglay. – M. : Norma, 2006.
 4. Confessional Policy of Russian State : tutorial / ed. M. O. Shachov. – M. : RAGS, 2003.
 5. *Gritsenko G. D.* Law Comprehension in Russian jurisprudence today // Vestnik Stavropolskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2002. – № 29.
 6. *Damdinov B. D.* A Special Status of the Agin-Buryat Okrug in Zabaykalsky Krai: from a Concept to Regulations // Sibirsky Juridicheskiy Vestnik. – 2009. – № 2 (45).
 7. Constitutional (State) Law of Foreign Countries. General Part; College Tutorial / ed. B. A. Strashun. – 4th ed., enl. – M. : Norma, 2005.
 8. The Constitution of the Russian Federation (Dec. 25, 1993, amended Dec. 30, 2008 «RG» -Federal Issue № 4831 from Jan. 21, 2009.
 9. International Law / ed. G. I. Tunkin. – M., 1994.
 10. *Polybius.* The General History : in 3 parts., 40 bks., On a State I, 41. V, 47, 7–8. VI, 56, 6–15. – SPb.. : Nauka ; Juventa, 1994.
 11. *Chernichenko S. V.* Essays on Philosophy and International Law / S. V. Chernichenko. – M. : Nauchnaya kniga, 2009.
 12. *Cherny J. J.* Modern Humanism // Philosophia v XX v. : sb. obzorov : in 2 parts. Part 2. – M. : INION RAS, 2003.
 13. The Federal Law on Freedom of Conscience and Religious Associations passed Sept. 19, 1997 by the State Duma.
 14. *Cicero.* Dialogues. On the Commonwealth. I, 2–3 / Cicero. M., 1994.
 15. <http://azbuka.ru/religii>
 16. <http://hum.offlink.ru/docs-main/docs5>

Confessional Policy and “Civil Humanism” (on the Issue of the Implementation of the Provisions of Article 13 of the Constitution of the Russian Federation)

I. A. Arzumanov

Irkutsk State University

The article examines the term civil humanism from the position of philosophical and political approaches. The foundations of the constitutional order are considered in the context of disintegrational processes, which produce confessional and worldview diversity in the field of religious culture. The article deduces an aporia between Article 13 of the Russian Constitution and the historical and cultural discourse of Russian ideological field.

Key words: civil humanism, religious culture, integration, disintegrations.

Арзуманов Игорь Ашотович – доктор культурологических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Иркутского государственного университета, e-mail: arzumanov@mail.ru

Arzumanov Igor Ashotovich – Doctor of Culturological Science, Docent, the Department of Legal History and Theory, Law Institute of the Irkutsk State University, e-mail: arzumanov@mail.ru